

Джей Миллис

С волками водиться

Джей Миллис

С волками водиться

«Автор»

2026

Миллис Д.

С волками водиться / Д. Миллис — «Автор», 2026

Эстер узнаёт страшную правду о себе в самую худшую ночь. Она – оборотень, и она только что убила друга. Спасаясь от чувства вины и охоты, она встречает Лавению – принцессу, проклятую Лесной Феей. Полу-рыба в полнолуние, такая же одинокая, как сама Эстер. Они решают найти виновницу их бед, даже если путь лежит через самое сердце Зачарованного Леса. В Лесу к ним присоединяется Артур – принц, который сбежал от трона и теперь ищет приключений, но в итоге находит гораздо больше, чем ожидал. Вот только у них появляется опасный враг – королева Регина, которая уже десять лет охотится на волков и оборотней, и она готова уничтожить любого вставшего на пути. Смогут ли Эстер и Лавения найти исцеление, если весь мир ополчился против них, или им придётся принять себя такими, какие они есть?

© Миллис Д., 2026

© Автор, 2026

Джей Миллис

С волками водиться

Глава 1

Эстер снова видела странный сон. В нём она неслась по лесу за непонятным существом. Животное выло, скулило, звало девушку, но стоило Эстер приблизиться к нему и протянуть руку, как оно тут же срывалось с места и в несколько прыжков оказывалось на краю поляны. Сколько бы Эстер ни пыталась, животное оставалось недостижимым. Эстер чувствовала собственную беспомощность. Это злило.

Самым раздражающим было то, что Эстер видела этот сон не в первый и даже не во второй раз. Нет, он сопровождал её с самого детства, приходя раз в пару месяцев, не позволяя себя забыть. Образы и пейзажи вокруг могли меняться, но бесформенное существо оставалось прежним – таким близким и далёким одновременно.

В конце сна Эстер обязательно падала. Она проваливалась в катакомбы, летела кубарем вниз с горы или насквозь промокала в ледяном водопаде. Ломала кости и кричала от острой боли, но голос не слушался. После этого она просыпалась в холодном поту, резко садилась в кровати и часто-часто панически дышала, заново привыкая к реальности, в которой не нужно было ни за кем гнаться, в которой она была жива. Наутро всё тело ломило, а во рту появлялся привкус крови.

В последние годы кошмары участились. В тайне от бабушки Эстер начала готовить сильные седативные отвары в надежде, что это поможет подсознанию успокоиться, однако всё тщетно – сны оставались такими же чёткими и пугающе одинаковыми, как и раньше.

В детстве бабушка говорила Эстер, что кошмары пробуждают самые глубокие внутренние страхи, но Эстер не знала, чего она боится. Что могли означать её сны о бесконечной погоне?

Кошмар оборвался, когда до земли оставались считанные метры. Эстер резко открыла глаза – в них тут же ударил яркий свет. Сердце колотилось так быстро, словно собиралось выпрыгнуть из грудной клетки, в ушах стучала кровь, но это была её реальность. Эстер была в безопасности.

Подождав, пока тело успокоится, Эстер откинула одеяло и сползла на пол рядом с кроватью. Деревянные половицы неприятно холодили кожу через тонкую ткань сорочки, но вместе с тем приводили в чувство. Посидев так немного и отдышавшись, Эстер заставила себя встать и подойти к окну. Почему-то занавески были криво раздвинуты, хотя девушка точно помнила, что закрывала их перед сном. Чтобы луна не мешала заснуть.

Эстер потянулась задвинуть занавески обратно, когда её взгляд упал на пальцы. Она поднесла ладони ближе к лицу и нахмурилась. Под ногтями полумесяцами чернела земля, хотя Эстер не помнила, чтобы она в последнее время помогала бабушке в огороде. Возможно, она испачкалась, пока собирала нужные травы для отвара, но это было пару лун назад. Не могла же она проходить так несколько дней!

Постояв возле окна, Эстер вернулась в кровать. Она знала, что не уснёт – после кошмаров никогда не получалось. Стоило рассказать об этом Дэниелу. Может, он бы сходил с ней в Лес за сон-травой.

Светало. Круглая луна бледнела и выцветала, растворяясь в предрассветной дымке. Скоро запоят петухи, встанет бабушка, и нужно будет помогать сортировать только собранные травы.

Эстер вздохнула и перевернулась на другой бок. Она не любила просыпаться так рано. Весь мир будто замирал, заняться было нечем, и ей приходилось оставаться наедине с собственными мыслями.

Не то чтобы в её голове царил хаос. Просто Эстер предпочитала не думать, а действовать. Ей нравилось делать что-нибудь руками, гулять по Кромке Леса, собирать травы и учиться знахарству у бабушки. Дэниел говорил, что из Эстер вышла бы отличная целительница. Эстер отмахивалась, но в глубине души надеялась, что это правда.

Они с Дэниелом были друзьями детства и часто проводили время вместе. Иногда он учил её охотиться. По его мнению, современный человек не мог выжить только на собирательстве. Он показывал, как стрелять из арбалета и как освежёвывать дичь. Эстер делилась знаниями о целебных травах, хотя Дэниел и так знал многое. В конце концов, они жили возле Леса, и эти умения не были чем-то необычным.

В их деревне было немного ровесников Эстер, и Дэниел был самым лучшим. Он никогда не осуждал Эстер и не смотрел на неё косо. Он был её названным старшим братом, он был всегда на её стороне.

Когда пропала мать Эстер, девочка была совсем маленькой, а отца она никогда и не знала. Единственным воспоминанием, которое у неё осталось, были крепкие загорелые руки, прижимающие её к груди, и щекочущий щёку кудрявый локон.

Деревенские жители шептались и судачили, что в последний раз Аделаиду Хэйден видели уходящей в Лес, но никто не мог подтвердить это. Поговаривали, будто женщина заключила сделку с лесным духом, и Лес забрал её душу. Смотрели на Эстер со смесью жалости, недоверия и страха. Называли её дочерью Лунного Пастуха.

Постепенно Эстер привыкла к перешёптываниям, а со временем слухи улеглись сами. Аделаида стала ещё одной легендой, серебряной нитью вплетаясь в местный фольклор. Так происходило со всем необъяснимым в Перлее, и её мать не была исключением.

Дэниелу единственному было всё равно на пересуды. А потом настал черёд Эстер поддерживать его. Отец Дэниела погиб на охоте, когда мальчику было всего тринадцать. С этого момента на плечи Дэниела, единственного наследника, легла ответственность за семью – у него остались две сестрёнки девяти и семи лет. Парень никогда не жаловался, но Эстер видела, как ему было тяжело.

Эстер выдохнула. Вот поэтому она не любила много думать. Поток мыслей всегда уносил её в прошлое, заставляя задаваться вопросами, на которые она никогда не получит ответ. Что случилось с Аделаидой? Почему она бросила свою дочь? Кем был отец Эстер? Что, если отец Дэниела был бы жив? Была бы тогда их связь такой же сильной, как сейчас? Объединённые общей трагедией, их судьбы крепко сплелись, и Эстер не представляла иного расклада событий.

Во дворах прокукарекал первый петух – и тут же деревня ожила, будто время наконец сдвинулось с места. Послышался лай собак, мычание коров и пение других птиц, вторящих нарушителю тишины. В соседней комнате скрипнули половицы. Значит, бабушка уже встала и собралась за травами. У Эстер было ещё минут сорок, чтобы понежиться в постели. Но лежать без дела не хотелось.

Эстер переделась, собрала кудри в небрежный хвост и выскользнула из комнаты. На кухне было тепло – в печке весело трещали дрова, в котле закипала вода. Эстер прошла мимо длинного разделочного стола, проводя пальцами по шершавой поверхности, считывая каждую зарубину. Через полчаса здесь будет пахнуть розмарином и шалфеем, бабушка будет молоть семена смольника, Эстер будет нарезать корень живучика.

Она вышла через заднюю дверь и осторожно прикрыла скрипучую калитку. Дэниел жил в пяти минутах ходьбы отсюда. Эстер зашагала по дороге, с удовольствием вдыхая свежий, чуть влажный воздух.

Когда Эстер перепрыгнула через низкий заборчик, собака Дэниела по кличке Волчок радостно завилала хвостом и забегала вокруг Эстер. Она почесала дворнягу за ухом и приложила палец к губам.

Эстер обошла дом кругом. Она приподнялась на цыпочках и постучала в окно, благо, оно было открыто.

– Дэниел, – позвала она шёпотом. – Т-с-с, Дэниел!

Вскоре из окна высунулась взъерошенная голова парня. Он сонно потёр глаза.

– Эстер?

– Да, я. Выходи давай.

Дэниел зевнул, но кивнул и скрылся в комнате. Через пару минут он уже стоял рядом, часто моргая.

– Ты чего так рано?

– Не спится, – Эстер вздохнула и поджала губы. – Кошмары.

– Опять? – Сочувственно спросил Дэниел. – На прошлой неделе же только были.

– Они как-то не спрашивают разрешения приходить, – поморщилась Эстер и скрестила руки на груди.

– Всё то же?

Эстер кивнула.

– В этот раз почти догнала. Мне всё кажется, что я вот-вот сорву с него маску, узнаю, что это, но, как видишь, – она развела руками. – А потом опять упала.

– Давно проснулась?

– Часа два назад. Бабушка только встала, скоро обратно пойду помогать.

Дэниел кивнул. Он мог бы пожаловаться, что Эстер разбудила его ради ничтожно короткого разговора, но для них это было нормой, сколько они себя помнили. Если кому-то из них было плохо, второй незамедлительно приходил на помощь.

– Сходишь со мной за сон-травой?

Дэниел удивлённо приподнял брови.

– Всё настолько плохо?

Эстер дотронулась до нижних век.

– Если это продолжится, скоро здесь появятся синяки.

Дэниел хмыкнул.

– Тебя это не испортит.

– Но повлияет на мою работу, – заметила Эстер. – Ты же не хочешь, чтобы я сварила не то для старой Гретхен?

Дэниел пожал плечами.

– Ладно, ходим днём. Всё равно собирался в Лес.

– Спасибо, – искренне поблагодарила его Эстер и вымученно улыбнулась. – Поэкспериментирую с количеством листьев, вдруг поможет.

Дэниел не говорил ей быть осторожной, и это вселяло в Эстер приятную мысль о собственной компетентности.

– Бабушка-то в курсе? Или ты всё подпольно?

– А ты как думаешь? – Она вздохнула. – Если бы она знала, сколькими отварами я себя пичкала последние годы, она бы пришла в ужас.

– Посадишь себе здоровье, и что потом?

– А на ком мне ещё тренироваться? Что я за целительница такая, не способная даже себя вылечить?

Они замолчали, думая каждый о своём. Наконец, Эстер сказала:

– Ладно, я пойду, пока бабушка не заметила. А то пристанет ещё с расспросами.

– До встречи.

Они крепко обнялись, и Эстер поспешила обратно.

Она зашла домой так же через заднюю дверь. Уже на пороге она почувствовала терпкий, немного пряный запах готовящейся мази от ожогов. Стряхнув пыль с обуви, Эстер вышла на кухню.

Альва Хэйден была приземистой и бойкой женщиной лет пятидесяти с крепкими мозолистыми руками и ямочками на щеках. В округе её знали и почитали как знахарку. Многие просились к ней в ученики, но она лишь качала головой и смотрела на внучку.

Эстер с детства готовилась принять её пост. Учиться было легко: она схватывала знания на лету и вскоре сама начала экспериментировать с ингредиентами. Под чутким руководством бабушки она училась отличать бледный костоед от костоеда обыкновенного, правильно молоть семена жирника, пересаживать сереброречку и извлекать тонкие волокна из листьев лунницы. К пятнадцати годам она самостоятельно готовила отвары для бытовых нужд. Альва лишь снисходительно кивала и давала новые задания, но Эстер знала, что бабушка ею гордится.

Сейчас женщина склонившись стояла над котлом и сосредоточенно помешивала содержимое. Эстер тихо, чтобы не мешать, села за стол и стала разглядывать травы.

– Можешь нарезать мыльный корень, – сказала Альва, не поворачиваясь.

– И тебе доброе утро, – Эстер потянулась к названному растению. Его цветы и листья использовали в отварах, очищающих желудок, а корень – для стирки и умывания.

Она любила такое только начавшееся утро. Работа текла размеренно и неспешно. Они заготавливали ингредиенты, варили мази и разливали отвары по склянкам. После этого они завтракали, Альва отправлялась кормить кур и собирать яйца, Эстер – убираться на кухне. Потом они отправлялись в Лес, где Альва долго и кропотливо срезала грибы костоеда с поваленных деревьев или же собирала листья ядовитого бредника. Эстер училась сцеживать лунную росу и русалочьи слёзы.

Вернувшись домой, Альва начинала приём. Дел всегда хватало: то у старой Гретхен спина заболит, то у младенцев как по команде начнут резаться зубы, то какой-нибудь непутёвый охотник забредёт в чашу Леса и вернётся не в себе. Эстер помогала бабушке, бегала по поручениям и записывала заказы. Варила новые мази и приносила из погреба нужные отвары.

По вечерам, когда работы было меньше, Альва отпускала внучку. Тогда Эстер обычно шла к Дэниелу – тот как раз возвращался с охоты, – и они подолгу болтали обо всём на свете.

Бывало, конечно, что нуждающиеся приходили с просьбами и ранним утром, и глубокой ночью, но они привыкли. Альва и Эстер старались помочь всем. Таково было их призвание. Такова была жизнь Эстер. Спокойная, стабильная, предсказуемая. С уверенностью в завтрашнем дне. Эстер не променяла бы её ни на что.

– Сегодня в Лес не пойдём, – Альва наконец закончила колдовать над котлом и присоедилилась к внучке.

– Почему? – Спросила Эстер, не поднимая взгляда от мыльного корня. Она старалась нарезать его одинаковыми кубиками.

– Чувствую, сильный дождь собирается. Суставы ноют, – женщина задумчиво потёрла костяшку большого пальца. – Нечего там в такую погоду делать. Лучше наготовить укрепляющих отваров. Для полоскания должен был закончиться. Помяни мои слова, выстроится к нам вереница с насморком и больным горлом, – проворчала Альва. Почему-то её предсказания о погоде всегда сбывались.

Эстер нахмурилась. Ей позарез нужно было в Лес. Сон-трава – вещь опасная, в огороде не растёт, в шкафу не хранится. В малых количествах она действительно дарила спокойный сон, но стоило переборщить – и она усыпляла навсегда.

– Дэниел хотел сегодня поучить меня охотиться, – начала Эстер. – Я бы хотела пойти.

– В следующий раз сходите, – покачала головой Альва. – Тебе некуда торопиться.

Эстер так не думала, но спорить с бабушкой было бесполезно. Делать было нечего: тайком из дома надолго не улизнуть, в любой момент может понадобится её помощь. Оставалось надеяться, что эту ночь она проведёт без кошмаров.

Днём, как и предсказывала Альва, небо потемнело и полил дождь. Посетителей было немного. Пришла только Фрида с сильной зубной болью – Альва дала ей экстракт трилистника и велела полоскать три раза в день, – да соседка Аннет заскочила за солью.

Отсутствие видимой работы Альву ничуть не смущало. Она отправила Эстер в погреб сортировать отвары, а сама, напевая под нос незамысловатую мелодию, принялась готовить пирожки. В такие дни роль знахарки ненадолго отодвигалась на второй план, и Альва становилась просто бабушкой.

В погребе, в противовес улице, было сухо и тепло. Эстер оглядела высокий стеллаж, забитый склянками и колбами, и принялась за дело.

Работа продвигалась медленно, но уверенно. Эстер лениво протирала флаконы и расставляла их по полкам. Здесь отвары от простуды, там – глистогонные и кровоостанавливающие. Под потолком стройным рядом стояли пузырьки и горшки с заспиртованными грибами и травами из Леса. Пробки и крышки у них были посеребрёнными, и Альва строго-настрого запрещала к ним прикасаться – чтобы не разрушить антисептические свойства.

Монотонное занятие занимало руки и мысли. Эстер почти забыла о кошмаре и нахмурилась, только когда наткнулась на склянку с успокаивающим отваром. В памяти всплыли лесная поляна и зовущий вой загадочного существа. Может, кому-то лекарство и помогало, но точно не ей, мрачно подумала Эстер.

От долгого сидения на корточках заныла спина, но боль была непривычной: странной, не в мышцах, а вдоль позвоночника. Эстер повела плечами. Может, бабушка была права, и погода напрямую влияла на здоровье. Однако ей было всего семнадцать. Неужели наследственное?

Через час Альва позвала внучку обедать. Они только сели за стол, когда в дверь постучали. Эстер встала встретить гостя.

Это оказался не очередной больной, а Дэниел – мокрый, со свежей царапиной на подбородке, но довольно улыбающийся.

– Ты чего? – Эстер затащила его в дом и бросилась за полотенцем.

– Кто там? – Поинтересовалась Альва, расчищая место на столе.

– Дэниел.

Пока Эстер искала полотенце, с друга успела натечь порядочная лужа. Он несколько раз чихнул и виновато посмотрел на Альву, появившуюся в дверном проёме.

– Простите, я, наверное, заболел.

Женщина покачала головой.

– Вот что бывает с теми, кому в дождь дома не сидится. Пойдём, выпьешь перцовый отвар.

Дэниел поморщился, но послушно прошёл на кухню. Альва разогрела лекарство в котелке и проследила, чтобы парень выпил всё до последней капли.

– Давненько ты к нам не заходил. Всё Эстер у тебя пропадает, – женщина улыбнулась и придвинула к внучке блюдо с пирожками. – А раньше то вместе тут под ногами путались. Вот, помню, однажды прихожу я из Леса, а вы банку варенья достали...

Эстер искоса посмотрела на Дэниела. Когда бабушка погружалась в воспоминания, её было не остановить. Её строгая, прагматичная натура будто смягчалась, и Альва вдруг становилась очень сентиментальной.

– Бабуль, ну мы пойдём тогда в комнату, – громко сказала Эстер и встала из-за стола.

– Да, спасибо за пирожки, – согласился Дэниел и присоединился к подруге.

Альва задумчиво посмотрела на них, словно делая какие-то выводы про себя, но ничего не сказала, лишь кивнула.

В комнате Эстер с ногами забралась на кровать и похлопала рядом с собой. Дэниел сел напротив.

– Ну, так чего тебе дома не сидится? – Она выжидающе уставилась на парня.

Дэниел загадочно улыбнулся. Он снял с плеча сумку и протянул её Эстер. Та непонимающе открыла её и ахнула.

Внутри сумки лежала охапка сон-травы. Тонкие стебли вились и переплетались, мелкие листья отсвечивали серебром.

– Я не знал, сколько тебе нужно, поэтому сорвал побольше, – смущённо признался Дэниел.

– Ты ходил в Лес? В такую погоду? Из-за меня? – Эстер виновато поджала губы. – Ещё и поцарапался где-то.

– Да так, об ветку зацепился, – Дэниел махнул рукой и улыбнулся. – Теперь ты спасена?

– Да, – кивнула Эстер. – Спасибо большое. Правда, спасибо, – она прижала мокрую сумку к груди. – Не знаю даже, как тебя отблагодарить.

– Пустяки, – Дэниел протянул ей крепкую ладонь и Эстер мягко сжала её. – Ты бы сделала то же для меня.

Это была правда, но Эстер всё равно чувствовала себя глупо.

– Давай хоть твою царापину залечу, – предложила она.

Через пару минут она уже осторожными движениями наносила заживляющую мазь на подбородок друга. Его кожа была шершавой и тёплой. Эстер ощущала на себе его внимательный взгляд. От этого было не по себе.

Она отстранилась. Дэниел снова тепло улыбнулся и запустил пятерню в короткие волосы.

– Намного лучше, спасибо.

– Это меньше, что я могу сделать, – пробормотала Эстер и отвела взгляд.

– Ты уже знаешь, как будешь готовить отвар?

– О-о-о, – протянула Эстер с энтузиазмом. Неловкость как рукой сняло. – Возьму основу от успокаивающего, но вместо корня валерианы добавлю измельчённые листья сон-травы да порошок из семян слёзницы. Сначала в пропорции один к семи, а если не сработает, увеличу дозировку.

– Должно подействовать, – кивнул Дэниел. – Значит, сегодня спишь спокойно?

– Не-а, – Эстер покачала головой. – Ему бы настояться пару дней. Но от осознания, что он готовится, мне будет гораздо лучше. Спасибо.

Они провалялись в комнате до самого вечера. Дэниел рассказывал об успехах в чтении младшей сестрёнки Софии и о том, как четырнадцатилетняя Дина рвётся с ним в Лес. Хочет увидеть духов, посмеивался он.

Деревня располагалась возле Кромки Леса, и, если зайти чуть дальше в чашу, там можно было найти не только редкие колдовские травы. Волшебные существа или, как их ещё называли, дети Леса часто забредали на территорию Кромки. Многие деревенские жители видели шелестящих, маленьких лохматых духов, наяд, резвящихся на берегах Селины, светящихся оленей со светящимися рогами.

Эстер слушала друга и улыбалась. Она любила вот так беззаботно болтать обо всём и ни о чём одновременно. В такие моменты она забывала о любых кошмарах. Ей было хорошо, как никогда. Наверное, так и ощущалось счастье.

За окном сквозь рваные облака проглядывала бледная луна – круглая, полная. Под такой луной на озёрах расцветали голубые лилии, и пугливые глубинные приливники всплывали на поверхность.

Вечером дождь наконец закончился, и Дэниел, выпив ещё одну кружку перцового отвара, отправился к себе.

– Пусть тебе приснится что-нибудь хорошее, – сказал он на прощание, обнимая подругу. Его рубашка пахла Лесом, дымом и чем-то неуловимым – его запахом, запахом Дэниела.

Эстер хмыкнула. В её случае хорошие сны были непозволительной роскошью.

– Я сказала бабушке, что ты собирался поучить меня охотиться.

– Так и есть, – спокойно кивнул Дэниел. – Давненько мы этим не занимались. Держу пари, ты разучилась арбалет держать.

– А вот и неправда.

– Вот и проверим.

– До завтра.

– До завтра. Может, поймем оленя. Покажешь, что помнишь из моих уроков.

Эстер наблюдала, как фигура Дэниела постепенно растворяется в темноте. Её вдруг охватило странное предчувствие. словно в ответ на её мысли где-то в Лесу раздался смех морочников. Эстер поёжилась и закрыла дверь на засов.

Когда бабушка уже спала, Эстер вскипятила воду и добавила в котёл необходимые ингредиенты. Аромат сон-травы щекотал ноздри. Эстер вдруг захотела зевать.

После того, как вода приобрела серебристый оттенок, она сняла котелок с огня, процедила отвар и перелила его в глиняный горшок, предварительно смазав тот маслом душицы. Осталось подождать всего три ночи.

Ложась спать, Эстер в кои-то веки чувствовала себя спокойно.